

БЫТІЕ КРЕСТНАГО СЫНА.

Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, съ собственноручной копіи котораго печатается настоящая легенда, снабдилъ ее слѣдующимъ примѣчаніемъ:

Рукопись, съ которой списано это „бытіе крестнаго сына“, написана старинною русскою скорописью. Судя по внутреннимъ знакамъ на бумагѣ, написаніе ея слѣдуетъ отнести къ 1826—1828 годамъ. Тоже самое доказываетъ надпись, сдѣланная на оберткѣ рукописи другою рукою—объясняющая, что она (т. е. эта надпись) относится ко времени сдачи кр. Браилова Сулейманомъ нашей русскимъ войскамъ, происшедшей, какъ извѣстно, 6 Іюня 1828 г.—Листы бумаги, на которой писана рукопись, синеваы и, слѣдуетъ предположить, составляютъ обрѣзки гербовой бумаги. Впрочемъ, оч. можетъ быть, что водяные знаки, замѣчаемые на этой бумагѣ: „1826“, „Н. Ф.“ и какія то черточки, дѣлались фирмой фабрики, выработывавшей бумагу.

Указаній, съ чего списывалась рукопись, никакихъ нѣтъ. Нѣкоторыя мѣста рукописи писаны киноварью, такъ, напр., заголовокъ: „выписано изъ бытія крестнаго сына“, всѣ заголовки „судъ“ слово „тойжде“ или ему подобное.

Рукопись пріобрѣтена мною у одного малаканина с. Лебяжьяго озера, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи.

Въ рукописи вложена сдѣланная отъ руки заставка, вѣроятно, срисованная съ образца. Рисункъ ея раскрашенъ въ разные цвѣта и представляетъ довольно хитросплетенные арабески. Подъ ними стихи, писанные другою противу рукописи рукою и по содержанію едва ли относящіяся до „бытія“. Всего вѣроятнѣе, что заставка эта попала въ рукопись случайно. Знаковъ препинанія въ рукописи нѣтъ.

10 Февраля 1892 г. Самара.

Н. Ѳедоровъ.

Быша въ нѣкоторомъ градѣ Анцебургѣ въ югѣрульскія земли, живяше нѣкоторій убогій человекъ въ самой скудости и во всякимъ

убожествѣ, и въ нѣкоторое время жена его роди ему сына. Убогій не радъ быхъ рожденію чада своего ради своей скудости, и рече жена мужу своему: господинъ мой мужъ, поиди приведи пріемника да окрестимъ чадо твое. Убогій же поиде искати кума и ходяще по всему граду Антцебургу и кого ни позоветъ крестить чадо, никто къ нему не идетъ, его ради скудости, дѣтищу его всякъ гнушается. Онъ же, грядуще въ домъ свой, горько плакаше со слезами и на пути встрѣтился съ нимъ нѣкоторый господинъ въ бѣлыхъ ризахъ, зѣло лицемъ свѣтлозлаченъ. И тотъ господинъ, видя убогаго, горько плачуща со слезами, и вопросы его: чадо, о чемъ горько плачеша, повѣждь ми печаль свою, и азъ печаль твое утишу, на радость преложу. И убогій отвѣщаше ему: господине мой, како мнѣ не плакати, жена моя родила мнѣ сына и въ кумавья кого ни позову, чтобъ чадо свое въ крещеную вѣру ввести, ради моей скудости чадо мое кстить никто ни идетъ, всякъ меня гнушается.

И тотъ господинъ рече: у котораго приходу будешь крестить дѣтище свое; вели кумѣ быти въ церковь и младенца принести и священника призови; воспріемникомъ азъ буду и окрещу дѣтище твое. И убогій паде ему на землю въ ноги и скоро тече въ домъ свой и рече женѣ своей: Жена, азъ отыскалъ кума, вели нести младенца въ церковь кумѣ, и азъ призову священника. И младенца принесе, и куму приведе, а воспріемника не имаше. И священникъ нача кума ждати многое время и нача на убогаго гнѣваться: како безумный приведе куму, младенца и меня призвавъ, а кума не разыскалъ? Поиди, безумный, призови хотя млада, или стара, или богатова, или убогова, да окрестимъ чадо твое. Убогій поиде искати кума и ходяше по всему граду своему и кого въ кумовья ни позоветъ, всякъ гнушается ради его убожества и скудости никто къ нему неидетъ. И убогій, не сыскалъ кума и грядущу ему путемъ въ церковь, горько со слезами плакаше. На пути встрѣтился съ нимъ нѣкоторый господинъ въ свѣтлыхъ ризахъ, лицемъ зѣло свѣтлозраченъ; за нимъ идутъ два юноша въ свѣтлыхъ же ризахъ, ликами свѣтлы. И той господинъ, видя убогаго плачуща горько со слезами, вопрошаше его: чадо, о чемъ горько плачеша, повѣждь ми печаль свою, что тебѣ зѣло приключилось, и азъ твою печаль утѣшу, на радость преложу. И убогій началъ ему повѣдати: господине мой, како мнѣ не плакати? жена моя родила сына, азъ въ кумы никого не дозовусь крестити чадо свое; ради моей скудости никто не идетъ крестить, всякъ мною гнушается. И той господинъ вопросы его: да гдѣ твое дѣтище. Онъ же ему отвѣща: чадо мое и священникъ давно въ церкви, и сказа котораго прихода. И той

господинъ рече ему: чадо, гряди въ церковь, и азъ буду воспріемникомъ и окрещу чадо твое и вели священнику малое время ждати. И убогій паде ему на ноги: господинъ мой, невозможно мнѣ безъ тебя къ священнику явиться, въ семь часѣ хотѣлъ кумъ быти также, оболгалъ меня. Азъ пріяхъ отъ священника великій гнѣвъ. И той господинъ рече къ нему съ клятвой: гряди, вели ждати, истинно буду. И убогій грядущи въ церковь, а священникъ вопросы убогаго: что убо привелъ ли воспріемника? Убогій не знаетъ что отвѣщати. И той мужъ рече: отче святыи, азъ давно въ церкви. И пріяхъ кумъ у священника благословеніе и крестиша дѣтище и тойжде кумъ даше священнику отъ крещенія три сороковыхъ златницъ. И священникъ зреть на кума и на юноши его и зѣло дивился, а во умѣ своимъ мнить: азъ такова господина во всемъ свѣтѣ не видихъ и юношей такихъ. И грядущи ему изъ церкви въ домъ свой, и нача убогій въ домъ къ себѣ звати и о имени его вопросы. Онъ же рече къ нему, въ домъ не пойдоша, и хотѣлъ быть по времени, и посла съ нимъ юношу своего опознати домъ его. И юноша до вратъ дому убогова тече и возвратися къ господину своему. Убогій прииде въ домъ свой и рече женѣ своей: жена, азъ крестилъ чадо свое. И жена его вопросы: да кто воспріемникомъ былъ? И онъ ей повѣдати нача: Со мною встрѣтился нынѣ нѣкоторой господинъ въ свѣтлыхъ ризахъ, а съ нимъ два юноша, зѣло лицомъ свѣтлы. Той же господинъ и крести чадо наше. И жена начала на него злобиться, чего ради въ домъ его не позвалъ и о имени его не спросилъ. Онъ же ей отвѣщаль: азъ его звалъ въ домъ свой, а объ имени не спросилъ. Онъ же хотѣлъ по временіе быть въ домъ нашъ и посылалъ за мною юноша своего, дома нашего познати, и той юноша прииде до вратъ дому нашего и возвратился къ господину своему. И жена нача на него гнѣватися: како ты, безумный, привелъ юношу воспріемникова до вратъ дому нашего, ради чего въ храмину его не привелъ, хотя у насъ попотчивать нечѣмъ, мы бы ему поклонились и воспросили бы о имени воспріемника нашего, гдѣ его жительство.

И убогій началъ съ женою своею кума въ домъ ждати, не могли дождаться; и младенецъ возростоша до трехъ лѣтъ и вопросиша у отца своего и матери: есть ли у меня батюшка крестный, который крестилъ меня? И мати ему отвѣща: чадо, отецъ твой тако безуміемъ своимъ сотворилъ, отъ твоего рожденія отца твоего крестнаго въ домъ не позвалъ и о имени его не спросилъ, и мы, по сіе время не имамъ его знати. И младенецъ, слыша отъ матери своей такія рѣчи, зѣло бѣше печаленъ.

И прииде праздникъ, свѣтлое Христово воскресенье, и младенець, услыша къ заутрени въ колоколь гласъ Божій, восплакалъ и скоро тече въ церковь и мать даше ему два яичка красныя. И младенець прииде къ заутрени прежде всего народа и стаха одинъ на мѣстѣ и взирая на Спасителевъ образъ, молился со слезами и со великіимъ умилениемъ: Милостивый мой господинъ, отецъ мой, Творецъ милостивый, у всѣхъ есть отцы крестные, всѣ пойдутъ со отцами своими крестными христосоваться, а у мене батюшки крестнаго нѣтъ. И подоша кругъ церкви, зрять святыя иконы младенець и грядеть къ ему нѣкоторый господинъ во златомъ одѣяніи, свѣтомъ сіяющъ, и съ нимъ много свѣтлыхъ прекрасныхъ юношей во златыхъ бѣлыхъ ризахъ, зѣло лицемъ свѣтлозрачныя. И прииде тотъ господинъ ко младенцу и рече ему—сыну крестному: Христосъ воскресе. И даша ему два яичка и поцѣловался съ нимъ. Младенець отвѣща: воистинну воскресе. И той господинъ вопрошаше его: чадо, знаешь ли ты отца своего крестнаго. Отвѣща младенець ему: отъ рожденія и крещенія не имамъ знати. И той господинъ рече ему: чадо, азъ я отецъ твой крестный, азъ тя крестихъ. И младенець паде ему въ ноги: государь мой, батюшка крестный, скажи мнѣ имя свое и гдѣ твое жилище. И той господинъ рече ему: чадо, прииди ко мнѣ въ сію церковь, встань на семь же мѣстѣ и азъ къ тебѣ самъ прийду и возьму въ домъ свой, тамъ скажу имя свое. И младенець не видалъ, како отецъ его крестный отъ него отступилъ; и предстоящій народъ, которые были въ церкви, близъ того младенца стояли и видѣли у его въ рукахъ держаша два яичка и вельми свѣтомъ сіяюща, удивившася между собой и глаголаше: братіе, азъ мы такихъ яичекъ не имали и во всѣмъ свѣтѣ ни у кого быти, ни у царя, ни у вельможъ великихъ.—И вопросиша его, чадо, кто тебѣ сіи два яичка далъ. Онъ же повѣдаетъ: сіи два яичка даде мнѣ батюшка крестный. И они его вопрошали: да кто же крести тя. Онъ же имъ повѣдаетъ: азъ не вѣмъ его, въ первые отъ рожденія видѣлъ въ церкви и той, онъ же, меня въ сей церкви найдоша и даде два яичка. И они чаяху, его отцу быти великому вельможѣ.

И младенець прииде отъ заутрени въ домъ отца своего и матери и нача христосоваться и даша имъ по яичку: отцу и матери, а они на тѣ два яичка смотря, зѣло дивншася, а между собой глаголюще: жена, азъ я такихъ яичекъ во всемъ свѣтѣ не видалъ, ни у царя, ни у вельможъ великихъ. Вопросаше его: чадо, кто тебѣ сіи два яичка даде. Онъ же имъ отвѣща: далъ мнѣ батюшка крестный. И онѣ ему не имали вѣры. Чадо, неправду глаголиши, како тебѣ отца своего крестнаго знати, мы тебя родихъ ты, отъ твоего крещенія не

имамъ его знати. Онъ же рече имъ съ клятвою: истинно онъ же мнѣ сїи два яичка даде.

И младенець дождался обѣдни; услышавъ къ обѣдни благовѣстіе, возсталъ младенець скоро, тече ко обѣдни и прїиде прежде всего народа и сташа на томъ же мѣстѣ. И священникъ божію литургію служивши. И взирая на Спасителевъ образъ, младенець молится со слезами: милостивый Господь, даждь мнѣ видѣти отца своего крестнаго. По отпускѣ литургіи божіей, зреть младенець: въ церкви съ высоты грядущихъ много свѣтлыхъ и прекрасныхъ юношей во золотомъ одѣяніи яко свѣтлая заря, зѣло свѣтомъ сіяюще. И прїидоша ко младенцу и возъмн его за руку и выведя изъ церкви, предстоящему народу никому невидимо, единъ изъ нихъ, призва къ себѣ двухъ юношей въ свѣтлыхъ ризахъ и приказа его отвести въ домъ свой. И юноша прїяша и вознесоша на высоту до перваго неба; и отдаша его вторымъ юношамъ, иже свѣтлѣй и краше тѣхъ юношей,—прїяша его и понесоша съ перваго и втораго, и до третьяго и до четвертаго неба. И отдаша его юношамъ четвертокрылатымъ. Четвертокрылатые, прїяша его и вознесоша до шестаго неба и отдаша свѣтлымъ юношамъ шестокрылатымъ и тѣ свѣтлѣе и краше. Шестокрылатые прїяша его и понесоша на самую высоту небесную до седьмаго неба. И младенець ужасеся и рекутъ ему шестокрылатые ангели: не бойся, чадо, не опалить тя пламень, мы—слуги и раби отца твоего крестнаго. И пусти его въ первую палату. Зреть младенець: палата преукрашенная, въ ней много ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ, поюще и превозносяще ангельскую пѣснь. И младенець во умѣ своемъ мнить: аще бы въ сихъ палатахъ вѣчно пребывалъ. И пусти его во вторую палату. Зреть младенець палата преукрашенная, въ ней много бесѣдующе апостоловъ, и пророковъ, и патріарховъ и всякія лица въ книгахъ зряще. И пустиша его въ третію палату. И зреть младенець: палата преукрашенная и паче, и краше, тѣхъ палатъ всѣхъ свѣтлѣйшая. И виде на престолѣ сѣдяща отца своего крестнаго, на немъ порфира царская и въ руцѣ держаше скипетръ и судитъ дѣла человѣческія. И окрестъ его стояща много свѣтлыхъ юношей, сирѣчь ангели и архангели, херувимы и серафимы, со страхомъ и трепетомъ. И возга Господь съ престола своего и сложи съ себя порфиру свою царскую и скипетръ, и грядущи съ престола, рече: пойдн, сынъ мой крестный, и той мой домъ, азъ я здѣсь пребываю. И взявъ его за руки, посадилъ на мѣсто свое, а самъ выде изъ палаты со всею небесною силою, его одинаго оставилъ. Младенець, пойдоша къ престолу Господню и наде на себя порфиру царскую и возьме скипетръ

въ руцы и нача все вѣрнымъ окомъ видѣти: всѣ на земли челоувѣки, кто что творить, добро или зло,—рай и муку, и кто за какіе грѣхи мучится,—въ моряхъ, озерахъ и рѣкахъ рыбу и по воздуху парящихъ и пресмыкающася и ползуща гадовъ, и нача судити дѣла челоувѣческія:

Первый судъ.

Тойже младенецъ на землѣ видя нѣкоторыхъ грабителей, подлѣзши въ святую церковь и хотяша покрасти святыя иконы и ограбити. И рече младенецъ: Господи, услыши прошеніе мое, чтобы церковь подавила грабителей того жъ часу. Церковь обрушилась и подавила грабителей, и умроша безъ покаянія.

Второй судъ.

Той же младенецъ видя: на земли нѣкоторымъ моремъ разбойники плыша въ корабль, къ нѣкоторой святой обители, сирѣчь въ монастырь, и хотяше разбити и раззорити, и младенецъ рече: Господи, услыши прошеніе мое, чтобы корабль (такъ) потонулъ и потопилъ разбойниковъ. И того часу погрузился корабль въ море и умроша безъ покаянія.

Третій судъ.

Тойже младенецъ виде на землѣ въ нѣкоторомъ градѣ творящихъ блудъ. Господи, услыши прошеніе мое, возопихъ, чтобы градъ провалился сквозь землю со всѣмъ народомъ. И умроша безъ покаянія.

Четвертый судъ.

Тойже младенецъ видя на землѣ въ нѣкоторой храминѣ жена съ мужемъ творящи блудъ. Господи, услыши прошеніе мое, возопихъ, дабы храмина обрушилася и подавила прелюбодѣйцевъ. И умроша безъ покаянія.

Пятый судъ.

Тойже младенецъ видя на землѣ отца своего въ великой скудости и рече ко Господу: Господи, услыши прошеніе мое, дабы довольно было всякимъ изобиліемъ; исполнилъ Господь Богъ Отецъ Саваофъ всякимъ изобиліемъ.—И виде отцовъ домъ исполнился всякимъ изобиліемъ и убогій нача милостыни творити за имя Христово.

И Господь умилосердился надъ народомъ, нехотя своего созданія погубити безъ покаянія, и внидетъ въ палату свою. И видиша сына своего крестнаго, сѣдѣща на престолѣ Своемъ и на немъ порфира царская, и въ рудѣ держаша скипетръ, и судить дѣла человѣческія.

Шестый судъ.

Господь рече: о сыне мой крестный, не милостивъ твой судъ и не милостиво судишь: побылъ ты на моемъ престолѣ полмалую минуту и четверть часа и погубилъ народа на землѣ три тьмы тысяць человѣкъ безъ покаянія. Аще бы тебѣ еще такое время побыти на моемъ престолѣ и ты бѣ всего народа не оставилъ на землѣ, всѣхъ погубилъ бы безъ покаянія. И Господь Творецъ Вседержитель сотворилъ небо и землю, и человѣки, и всю тварь,—долготерпѣливъ и многомилостивъ, терпитъ всякаго человѣка согрѣшающаго, на покаяніе ждетъ и не хочетъ погубити безъ покаянія и аще бы азъ не терпѣхъ, азъ бы въ минутую все бѣ погубилъ безъ покаянія.

И Господь призва ангеловъ и приказа его съ высоты снести на землю въ домъ отца и матери его. И приказа ему: чадо, будещи на земли, къ народу будь милостивъ и нищелюбивъ, и видя человѣка согрѣшающа, не осуждай его, но прикрой грѣхъ его, наипаче воздержись отъ блуда и отъ пьянства. Азъ тебѣ уготовлю палаты паче сихъ палатъ въ семьдесятъ седмериць. И напитя его небесною пищею и отпусти его. И ангели взяша его и несоша съ высоты на землю и поставиша его у вратъ дома отца и матери его.

И отецъ его, зреть младенецъ, хочетъ разговѣтися пасхою Христовою. И вопрошиша его: чадо, гдѣ сіе время быша, уже литургію отпѣли тому есть близъ четверти часа. И младенецъ нача повѣдати: азъ быхъ въ домѣ у батюшки своего крестнаго. И они ему не повѣрили: чадо, неправду глаголеши, како тебѣ въ такое время быти у отца своего крестнаго. Онъ же рече имъ съ клятвою: азъ я во истину былъ. И что видѣхъ, и что творихъ, нача о всемъ вышнемъ повѣдати.

О томъ же часѣ прииде ангель Господень съ небеси и рече ему: не повелѣваетъ тебѣ отецъ твой крестный о вышнемъ глаголати. Младенецъ, видя предъ собою стояща ангела, услыша, закуся персть свой въ зубы и не сталъ о вышнемъ глаголати ни о чемъ.

И разговѣлся со отцемъ и матерью своею Христовою пасхою и отыде отъ нихъ въ дальнюю страну, въ темныя непроходимыя лѣса и затворихся въ пустыню и молился Господу Богу пятнадцать лѣтъ. И услыша Господь моленіе его и слезы, и посла ангела своего и приказа отрока выслать въ домъ отца и матери своей. И рече отрока: сія есть моя пустыня, — прекрасная пустыня, древа кудрявыя и листы зеленые.

И прииде въ домъ отца и матери своей. Отецъ и мать его мало познаша и зѣло о немъ радостны быша и нача съ нимъ веселитися.

И въ тѣмъ часѣ зрять отрокъ: ийдетъ къ нему, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, сынъ Божій, а съ нимъ много ангеловъ и архангеловъ, херувимовъ и серафимовъ. И взяша изъ него душу его и вознесоша. И со всякою славою (?) соготованныя палаты царствія небеснаго, во онѣя — вѣчный покой и неизрѣченныя радости: благія жизни, преселися. И отецъ его, и мать, видя чадо ихъ съ ними, веселишася и Богу душу предаде. —

Конецъ сей книги и Богу нашему слава во вѣки, Аминь. —

